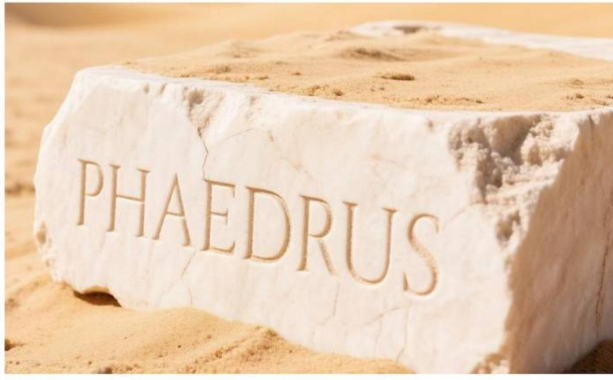
Жан-Жак Буазар
Басни

Книга V

Жан-Жак Буазар
Жан-Жак Буазар. Басни. Книга V

https://litres.ru/74683309
SelfPub; 2026

Аннотация

Представленная на суд читателя книга V басен Жан-Жака Буазара (1744-1833) разительно отличается от первых четырёх: если ранее ироничный француз играл в шарады, рефлексируя над образами басен Лафонтена, то в этой книге он обратился к античной литературе, привнося в протокольные басни Федра и Бабрия черты поэзии Галантного Века, или меняя декорации Эзоповых сюжетов.

Желающим попробовать древнеримскую (и частично средневековую) поэзию под галантным французским соусом - приятного прочтения.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Эффект Стравинского или перелогинившийся Федр (или Ромул?). Предисловие переводчика 4
Пролог 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Жан-Жак Буазар. Басни. Книга V

Эффект Стравинского или перелогинившийся Федр (или Ромул?). Предисловие переводчика

Но Иисус, зная помышления их, сказал им:
всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет;
и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.
Мф. 12:25

Я думаю, фраза про верхи и низы, описывающая революционную ситуацию, известна любому если не в виде ленинской цитаты, то как часть похабного анекдота. От себя добавлю, что данная ситуация касается не только классов. Подобно тому, как в преддверии революции нарастали классовые противоречия и противоборство дворян, боящихся потерять свои привилегии, а в большинстве случаев совершенно искренне не понимающих, что не устраивает чернь, и угнетаемых классов, резонно задающих (пока в пространство) во-

прос, а зачем вообще нужны привилегированные сословия, и почему введение нового налога, ещё больше затягивающего удавку на шее простого работяги, не касается аристократии и духовенства, всё больше сшибались между собой консерваторы и прогрессисты, понимающие, что нынешняя ситуация, мягко говоря, далека от идеальной, но предлагавшие разные пути решения. Первые ратовали за косметические меры, брюзжа, что монархия в целом весьма благотворна, только вот во Франции она неправильная. Другие же, понимая, что строй уже прогнил и его миазмы рискуют уничтожить страну, предлагали глубокие системные изменения.

И здесь я прошу уважаемых читателей не путать революцию с обыкновенным государственным переворотом, который тоже, кстати, может родиться из революционной ситуации. При революции всегда меняется государственный строй, и происходят небывалые позитивные сдвиги (к примеру, в послереволюционной России, раздираемой Гражданской войной, почему-то находились деньги и на открытие новых высших и средне-специальных учебных заведений в товарных количествах, и на ликбез, и на план ГОЭЛРО). А вот при государственном перевороте большие люди просто делят большие деньги, тогда как простому народу от этого в лучшем случае ни жарко ни холодно, а в худшем… тут только Паниковского цитировать.

Учитывая, что любое творческое произведение — отражение окружающей действительности, пропущенное через

призму рефлексии (даже если мы говорим о попытках сюрреалистов заниматься бессознательным письмом), то неудивительна подобная поляризация и в среде творческих идей: казавшийся забытым в 1694 году «спор древних и новых[1]» разгорелся опять, только места античного и национального занимали рассудок и чувства. Французскому классицизму всё сильнее стал противостоять вначале занесённый из Англии сентиментализм, нашедший горячую поддержку в лице Вольтера, написавшего роман «Юлия, или Новая Элоиза», породивший моду на «сельский вкус», а позже и романтизм, ознаменовавший рассвет уже немецкой литературы (так и напрашивается аналогия с русским сентиментализмом в лице Николая Карамзина с его «И крестьянки любить умеют» или Александра Радищева («Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение») и романтическими произведениями декабристов Ивана Пущина и Кондратия Рылеева). Учитывая, что силе действия равна сила противодействия, то чем активнее толкают новаторы искусство в водоворот поиска свежих форм и средств выразительности, тем более архаичные модели берут за основу консерваторы. При этом нельзя ска-

[1] Спор о древних и новых — полемика во Французской академии конца XVII века вокруг сравнительных достоинств литературы и искусства античности и современности. Сторонникам античности как непреходящего и недостижимого образца («древним») противостояли критики античности и сторонники теории прогресса в литературе и искусстве («новые»). Лидером «древних» был Николя Буало, лидером «новых» — Шарль Перро.

зать наверняка, кем будет человек в своей творческой жизни, новатором или консерватором: порой история нет-нет да и преподнесёт сюрприз.

В связи с этим мне вспоминается творческий путь Игоря Фёдоровича Стравинского, великого российского и американского композитора. В 1909–1913 годах Стравинский ошеломляет публику импрессионистским мерцанием балета «Жар-Птица» (1910), лубочной мелодраматикой балета «Петрушка» (1911), дикой, почти фовистской экспрессией балета «Весна священная» (1913, визитная карточка композитора), но после революции (Игорь Фёдорович переехал в Швейцарию до Первой мировой войны) из-под пера композитора выходят балет с пением «Пульчинелла» (1920, эдакий косплей Перголези), опера-оратория «Царь Эдип» (1927, Софоклов сюжет, изложенный на латыни, с очень хорошо читаемым влиянием Генделя) и как венец неоклассического творчества — ажурная в своём совершенстве опера «Похождения повесы» (1951, Моцарт как основа, Люлли как вкрапление и оммаж Чайковскому в кульминации). Казалось бы, в 1950-х годах с переходом к сериализму Игорь Фёдорович вернулся в лоно модернизма, но нет — гений вместе с тем всё более погружался в добаховскую эпоху, начиная с Джезуальдо[2], кончая Гийомом Дюфаи[3]; такое ощущение, что про-

[2] Ка́рло Джезуа́льдо да Вено́за (1566–1613) — итальянский композитор. Вошёл в историю музыки как автор мадригалов уникального хроматического стиля.

[3] Гийом Дюфаи́ (1397–1474) — франко-фламандский композитор, один из ро-

живи он чуть подольше, симфонию «St. Florian[4]» писал бы уже не Шнитке.

Подобный эффект стал наблюдаться и в творчестве Буазара во втором томе: от переосмысления Лафонтена гений делает разворот в сторону Федра. Справедливости ради надо признать, что оммажи Федру встречались в творчестве ироничного француза и ранее: уже в прологе к первой книге мы видим следующие слова:

Esclave ingénieux, dont la muse polie
Adoucit les leçons du sage de Phrygie,
Phèdre, corrige mes essais,
Peintre doux et correct, achève mes portraits.

Раб остроумный, чья муза изысканно
В строку уложит мысль старца фригийского,
Федр да поправит мои излияния,

доначальников нидерландской школы. Музыкальное наследие Дюфаи включает духовную музыку (мессы, мотеты, магнификаты, гимны, антифоны), а также разнообразные светские песни (шансон).

[4] «Симфо́ния № 2 (St. Florian)» — симфония советского и российского композитора Альфреда Шнитке (1934–1998) из шести частей для солистов, камерного хора и симфонического оркестра, завершённая в 1980 году. Создана под влиянием посещения автором монастыря Святого Флориана в Австрии, что отразилось в её названии, по заказу Симфонического оркестра Би-би-си. Впервые исполнена этим же оркестром под управлением Г. Рождественского в Лондоне 23 апреля 1980 года, московская премьера состоялась в январе 1981 года. В основу симфонии положены мелодии из градуала VIII-IX веков.

Образу кистью придав обаяние.

— что свидетельствует о немалом пиетете перед римским вольноотпущенником, вдохнувшим в простую Эзопову прозу обаяние капризной римской поэзии. Также данью памяти Федра можно признать басню «Коза» (La Chèvre, III; III), да и только; в пятой же книге практически дословные пересказы Федровых басен посыпались как из рога изобилия.

Дабы не ходить далеко за примером, упомяну басню «Ягнёнок, вскормленный козой» (L'Agneau nurri par une Chevre., V; III), являющуюся почти дословным переводом басни Федра «Canis ad agnum» («Собака и ягнёнок»), кабы не мораль: если Федр своим

His demonstrare voluit auctor versibus
Obsistere homines legibus, meritis capi.

Этим желает автор стихов показать,
Что и закон отвергают взалкавшие выгоду.

— проповедует об абстрактной разнице между de jure и de facto, то Буазар моралью басни пытается придать общий смысл пословице «Не та мать, что родила, а та, что воспитала»:

On dit qu'il faut révérer l'autre,

Mais, comme elle a mis peu du sien
Dans tout ceci, je pense bien
Qu'elle exige aussi peu du nôtre.

Других нас учат уважать,
Но если чей ничтожен вклад,
То им — я в том признаться рад —
Не след и много возвращать

— будучи контекстно куда ближе к морали басни Марии Французской[5]:

Par cest Aignel poez saveir
Q'amer doit — um è chier aveir
Ciaus qui bien lor funt anfance
Nès deivent metre en ubliance.

Поведал агнец басней сей:
Нет ничего любви важней;
Кто детство освятит добром —
Не будет тот забыт потом.

---

[5] Мари́ де Франс, или Мари́я Францу́зская (около 1160 — после 1210) — одна из самых известных средневековых поэтесс XII века. Автор сборников «Лэ Мари де Франс» (Les Lais de Marie de France) и «Басни» (Izopet), поэмы «Чистилище Святого Патрика» (L'Espurgatoire Seint Patriz), а также агиографического сочинения «Житие Святой Одри» (La Vie Seinte Audree), написанных на англонормандском языке.

И вот тут-то меня и осенило: а не Ромула ли пытается переработать ироничный француз, потому как имена Марии Французской и вышеуказанного древнеримского баснописца неразрывно связаны. История эта долгая, и хотелось бы её поведать.

Вообще, ученые до сих пор оживлённо спорят, кто или что такое Ромул; бытуют две точки зрения:

Сборник басен Федра, изменённых то ли самим вольноотпущенником, то ли криворуким переписчиком, но уже сильно позже I века нашей эры;

Сборник басен продолжателя Федровой традиции баснописи, которого как раз и звали Ромулом.

Как бы то ни было, история Ромула имела продолжение уже в Средневековье. По-видимому, в XI веке возник сборник, известный как «Нилантов Ромул» (названный так по имени филолога И. Ф. Ниланта, впервые издавшего его в 1709 году), из 50 басен, где местами была уже заметна христианизация моралей. Англо-бретонская поэтесса Мария Французская перевела этот средневековый сборник на старофранцузский язык, основательно его дополнив. Так получился «Изопет», сборник из 103 басен, написанных 4-х, иногда 5-стопным ямбом и основательно пропитанных духом Средневековья, во всяком случае так показалось переводчику. Переводы же Марии Французской в свою очередь были переведены на латынь дважды и легли в основу уже двух «Ро-

мулов»:

«Расширенный Ромул», сборник из 136 басен (79 басен из «Ромула», 57 разрабатывают новые сюжеты), изложенных очень подробно, грубоватым сказочным стилем; сборник послужил основой для двух немецких переводов.

«Робертов Ромул» (по имени первоиздателя, 1825 год), сборник из 22 басен, изложенных сжато, без какого-либо сказочного влияния и с притязанием на изящество.

Конечно, можно было бы предположить, что нормандский гений решил переработать произведения своей почти землячки (Нормандия соседствует с Бретанью), но «Изопет» будет извлечен из небытия только в 1820 году, через 50 лет после написания басни, посему серьёзно рассматривать сие предположение я б поостерёгся. Учитывая, что предшествующее басне «Ягнёнок, вскормленный козой» произведение «Лис и куропатка» (Le Renard et la Perdrix, V; II) встречается у Марии Французской, у Федра же встречается в адемаровской рукописи, найденной в X веке; при этом содержание тяготеет к Федровой вариации басни; на это указывают и куропатка (у Марии Французской вместо неё петух), и коралловый клюв. Поэтому я склонен считать, что Буазар или пользовался баснями «Расширенного Ромула»[6], или же, что на

[6] Хотя басни сборника «Расширенный Ромул» отличаются и от басен Буазара, и от басен Марии Французской, да и переведены не кем-нибудь, а самим Михаилом Леоновичем Гаспаровым (а это архиавторитет для любого переводчика, знакомого не только с собственным снобизмом, а ещё и с совестью), цитировать их здесь — нарушение авторских прав; посему рекомендую сии басни к самостоя-

мой взгляд более вероятно, брал басни Федра, иногда пришивая к ним обновлённую мораль, или даже меняя фабулу, как то в басне «Орёл, ворон и черепаха» (L'Aigle, le Corbeau et la Tortue, V; XX), где ворон не только мудрый советчик, но и откровенный рвач, и насмешливая мораль из его уст напоминает более размышление погрязшего в коррупции чиновника, чем призыв к разумному, доброму, вечному (подобный подход вовсе не нов: за век до Буазара Исаак де Бенсерад[7], описывая сей сюжет в своём труде «Басни Эзопа в катренах» применил глагол excroquer (escroquer) — «обманывать, плутовать»), или же декорации, как в басне «Телёнок и бык» (Le Taureau et le Veau, V; XXII), а порой ограничиваясь изменением морали или вовсе простым пересказом, как то в басне «Филин и цикада» (Le Hibou et la Cigale, V; XIX).

Справедливости ради надо признать, что не только к Федру обращался ироничный француз; Бабрий и Эзоп также не были обойдены французским гением. У Бабрия, к примеру, был позаимствован сюжет о мыши и быке; по большому счёту, басня «Бык и крыс» (Le Taureu et le Rat, V; X) является пересказом творения греческого интеллектуала. С Эзопом всё получилось куда замысловатее: если басня «Волк и коза» (Le Loup et la Chèvre, V; VI) является почти дословным пересказом басни Эзопа (даже Исаак де Бенсерад, данный

тельному ознакомлению; поверьте, оно того стоит.

[7] Исаак де Бенсера́д (1612–1691) — французский поэт при дворе Людовика XIV, драматург; ставился современниками в один ряд с Корнелем за благородство и чистоту языка.

в сборнике в качестве контрольного образца, заменил волка львом), то стремление пересказать дословно Эзопов сюжет «Пастух и море» нашло на стремление отмежеваться от Лафонтена, как коса на камень; так родилась басня «Фиги» (Les Figues, V; XVI), где Лафонтеновы отсылки к гомосексуальным[8] древнегреческим героям (а Лафонтен-то ставил целью показать глубину падения авторитета незадачливого негоцианта, ибо в простом народе однополые отношения не приветствовались никогда) вычищены, а главный герой перенесён в город Тир, неоднократно упоминавшийся в Священном Писании как бездонный сосуд грехов и мерзости, подлежащий уничтожению (ярчайшие примеры — Ам.1:9-10[9]; Мф.11:22[10]). Что же до эзопова сюжета «Лягушки» то в басне «Две жабы» (Les deux Grenouilles, V; XXV) Жан-Жак Буазар уже в лучших традициях романтизма (а скорее всего, в традициях ворвавшихся со скандалом в литературу штюрмеров) сужает время до «сейчас» и говорит о бесполезности долгих стратегических построений, тем самым повторяя

---

[8] Деятельность «международного общественного движения ЛГБТ» признана экстремистской и запрещена в ноябре 2023 года Верховным Судом Российской Федерации. Я также осуждаю деятельность данного сообщества и заявляю, что упоминание нетрадиционных отношений не имеет целью пропагандировать подобную мерзость.

[9] Так говорит Господь: за три преступления Тира и за четыре не пощажу его, потому что они передали всех пленных Едому и не вспомнили братского союза. Пошлю огонь в стены Тира, и пожрет чертоги его.

[10] но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам.

глубокомысленное изречение коня об осле, натиском и боем копыт пробившем себе дорогу к светлому будущему:

Voilà comme l'on fait fortune

так и куют своё счастье[11].

— из ранее написанной басни; кстати, отсылки к басням первого тома — не такая уж и редкость во втором, хотя и удивительного здесь немного: должно же хоть что-то остаться от классицизма в Буазаровых творениях? И у Александра Сергеевича Грибоедова в пьесе «Горе от ума», написанной через тридцать лет после данных басен, несмотря на общий романтический посыл произведения, сохранились и говорящие фамилии, и триединство места, времени и действия, и благородное происхождение действующих лиц (за исключением Молчалина, пожалуй), и иные родимые пятна классицизма. Так почему же не сохранить преемственность басен, не попытаться увязать их в стройную философскую систему?

Если о причинах смены стиля у Стравинского можно только догадываться, то у ироничного француза есть манифест на этот счёт. В прологе он иносказательно описывает политическую ситуацию в стране: после смерти Людовика XV Возлюбленного 10 мая 1774 года на трон восхо-

[11] Фрагмент басни Жан-Жака Буазара «Le Cheval, le Bœuf, le Mouton et L'Ane» («Конь, вол, баран и осёл», см. Приложение 1).

дит его внук, Людовик XVI, человек-флюгер, вечно находившийся под влиянием то прогрессивного министра Тюрго, то под влиянием многочисленных родственников, имевших вполне себе объяснимые интересы в сохранении привилегий у дворянства, а то и под влиянием сущего реакционера Морепа[12], заставившего свернуть реформы Мопу[13] даже не из кажимости вредности самих реформ, а из-за личной неприязни Морепа к старым придворным Людовика XV. Конечно же, король, изначально не обладавший ощутимым кредитом доверия, вскоре растерял последние симпатии на-

[12] Жан-Фредери́к Фелиппо́, граф де Морепа́ (1701–1781) — французский государственный деятель. В период с 1723 по 1749 год занимал пост государственного секретаря по делам военно-морского флота при короле Людовике XV. После долгой опалы, закончившейся в 1774 году сразу после восшествия на престол Людовика XVI, назначен государственным министром, и находился в этой должности вплоть до своей смерти в 1781 году. По замечанию отдельных французских историков, деятельность Морепа после возвращения из опалы характеризуется сведением счётов с наследием умершего Людовика XV. Упорные преследования Морепа разрушили сформированный покойным королём непопулярный триумвират в составе канцлера Мопу, генерального контролёра финансов Терре и государственного секретаря герцога д'Эгийона, которому за три года работы удалось успешно оздоровить финансовую систему Франции и поднять авторитет королевской власти.

[13] Рене Никола де Мопу́ (1714–1792 года), полное имя Рене́ Никола́ Шарль Огюсте́н де Мопу́, маркиз де Морангль и де Бюлли, виконт де Брюйер-ле-Шатель (René Nicolas Charles Augustin de Maupeou, marquis de Morangles et de Bully, vicomte de Bruyères-sur-Oise) — французский политический и судебный деятель; канцлер (глава судебного ведомства) и хранитель печатей (назначен Людовиком XV, 1768–1774). Фактически первый министр Франции (1770–1774). Проводил политику укрепления власти короля и ограничения прав парламентов. В 1770–1774 годах провёл судебную реформу.

рода; удивительно ли, что высмеивавшие любвеобильность (я бы даже сказал женозависимость) Людовика XV, вскоре станут высмеивать слабохарактерность его внука. Думается мне, именно Людовик XVI подразумевался в прологе под угрюмым и одиноким львом, окружённым тиграми в виде того же самого Морепа вернувшегося из опалы с жаждой мести и оттуда же возвратившегося Шуазёля [14], также пытавшегося урвать себе кусок власти, но безуспешно. Ну а кого же ироничный француз мнил отцом отечества, эдаким пеликаном? Младшего брата короля, Луи-Станисласа-Ксавье, графа Прованского, ведшего при дворе относительно аскетичный образ жизни, впоследствии патрона самого Буазара; и да, тогда в правление своего брата Луи-Станислас казался потенциальным идеальным королём.

Легко быть идеальным королём, не имея рычагов власти и находясь в оппозиции к правящей верхушке; однако, взяв в 1814 году бразды правления под именем Людовика XVIII,

[14] Этье́н-Франсуа́ де Шуазёль, герцог д'Амбуа́з и граф Стенви́ль (1719–1785) — французский государственный деятель эпохи Просвещения, глава французской дипломатии в последней трети царствования Людовика XV. Ставленник маркизы Помпадур; после смерти последней отставлен в результате интриг клики Жанны Дюбарри́ и стоящего за ней триумвирата, возглавляемого Эммануэлем Арма́ном де Виньеро́ дю Плесси́-Ришельё, герцогом д'Эгийон. В 1774 году Людовик XVI вернул его из ссылки, уступив настоятельным просьбам королевы, благодарной Шуазёлю за его проавстрийскую политику. Шуазёль вернулся в Париж и вновь появился при дворе 12 июня 1774 года, однако к этому времени королевским советом уже завладел граф де Морепа, а министерство иностранных дел возглавил граф де Верженн. Скончался в Париже 8 мая 1785 года от бронхита, оставив миллионные долги.

граф Прованский повёл себя… никак: вялотекуще прятался под фалдами Веллингтона[15] во время 100 дней Наполеона[16], пассивно наблюдал за развязанным особо рьяными роялистами «белым террором[17]», нехотя принял Конституцию… страну штормило между либералами и консерваторами, а монарх становился всё более и более картонной фигурой. Пришедший ему на смену Карл X был старичком весьма энергичным и волевым, но его консервативные потуги были похожи на попытку выпить цистерну с нарзаном, дабы остановить некроз почечной ткани. Июльская революция 1830 года была неизбежна, а монархия — обречена.

Но вернёмся в 1773–1777 годы, когда писались басни V книги. Вместе с социальным неустройством и экономическими проблемами от Людовика XV во Франции остались ещё традиции великосветского разврата и вечного пира во время чумы; сам Людовик XVI фаворитки не имел, однако

---

[15] А́ртур Уэ́лсли, 1-й герцог Веллингтон (1769–1852) — британский полководец и государственный деятель, фельдмаршал (с 21 июня 1813 года), участник Наполеоновских войн, победитель битвы при Ватерлоо (1815). 1-й герцог Веллингтон с 3 мая 1814 года. Премьер-министр Великобритании в 1828-1830 годах и временно в ноябре-декабре 1834 года.

[16] «Сто дней» — период французской истории между произошедшим 20 марта 1815 года возвращением к власти во Франции Наполеона I и произошедшим 8 июля 1815 года роспуском правительственной комиссии, которая отвечала за исполнительную власть после второго отречения Наполеона I от власти.

[17] «Белый террор» (фр. Terreur blanche) — так называется ряд жестокостей и насилий, совершённых во Франции ультрароялистами в 1815-1816 годах под белым знаменем Бурбонов.

супруга его, Мария-Антуанетта, продолжила «добрую» семейную традицию развлекаться до утра в Трианоне, тратя при этом баснословные суммы на пиры, балы и игру в карты. Надо ли говорить, что в глазах любого нормального человека подобное поведение монаршей особы в стране, ещё выплачивающей ужасающих размеров контрибуцию за поражение в Семилетней войне, является не только неуместным, но и вызывает шок. Именно поэтому Жан-Жак Буазар стал искать точку сборки в античном творчестве, пробираясь всё ближе к истокам, пытаясь найти тот самый живительный источник искренних чувств, погребённых под слоями мерзкого в своём лицемерии придворного этикета. Именно поэтому в сборнике, открывающемся басней о почтении старых богов (читай: благодарности предкам и их почтении) и завершающемся пересказом мифа о чистой и самоотверженной любви (причём в обеих баснях: и «Старик и идол» (Le Vieillard et l'idole,V; I), и «Алкиона» (L'Alcyon, V; XXX) предок объясняет потомку, почему должно поступать именно так) так много отсылок и к античности, и к первому тому (книги I – IV) басен ироничного француза. Пожалуй, и нам стоит соблюсти традицию и достать из пыльного сундука классификацию моралей басен Буазара, тем паче, что актуальности из книги в книгу она не теряет, а лишь обрастает подробностями и дополнениями.

1. Басни, пестующие чувство меры:

1.1. Басни об умеренности в желаниях: в качестве приме-

ра приведу, пожалуй, басню «Черепаха и ёж» (La Tortue et le Herisson, V; IV) не только потому, что черепаха воспевает именно пассивную защиту, не пытаясь атаковать разнуздавшегося ближнего, но и потому, что в басне ищется чувство меры, а спор приверженцев непротивления злу насилием и адептов активной защиты, исповедующих принцип «Добро должно быть с кулаками», не утихает до сих пор. Примечательно ещё и то, что в те же самые годы происходила революция в военном деле: во время Семилетней войны некоторые горячие головы попытались применить тактику колонн и рассыпного строя, тогда ещё сырую; эксперимент оказался неудачным, но за доработку принялся Александр Васильевич Суворов, представивший результаты под Туртукаем[18] и у Козлуджи[19] и на пальцах (пардон, на штыках) объяснивший неприятелю все достоинства новой тактики (хотя, может это доказательство другой любимой максимы Алек-

[18] Штурм Туртукая — операция, проведённая генералом Суворовым против турецкой крепости Туртукай на Дунае во время Русско-турецкой войны (1768–1774), в ходе которой русские войска разбили превосходящие силы турок и захватили Туртукай. Под начальством Суворова находилось около 700 человек, гарнизон Туртукая составлял около 4 тысяч. Трофеями русских стали 16 орудий, 6 знамён и 51 судно. Потери турок 1500 убитыми, у русских около 70 человек убитыми и ранеными.

[19] Сражение при Козлудже — важное сражение между русскими войсками под командованием А.В. Суворова и М.Ф. Каменского и турецкой армией Хаджи-Абдул-Резака во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, произошедшее 9 (20) июня 1774. Силы сторон: турки — 40 000 человек, русские — 24 000 человек. Турки потеряли до 500 человек убитыми и 100 пленными. В русской армии убито 75 человек, ранено 134 (из них 4 офицера).

сандра Васильевича «дело мастера боится», потому как отрицать мастерство графа Суворова-Рымникского будет или полный неуч, или не менее полный дурак); также не стоит списывать со счетов завершение пороховой революции: ещё два века тому назад тяжёлая конница (к примеру, польские крылатые гусары) была весомым козырем в любой битве, однако с развитием огнестрельного оружия эффективность (а вместе с ней экономическая целесообразность) тяжелобронированных монстров вначале заметно снизилась, а после и вовсе обнулилась; одинокий рыцарь на дорогом коне оказался бессилен против двух рот вымуштрованных солдат, вооружённых фузеями (при том что снарядить две роты солдат стоило куда меньше, чем одного элитного всадника, да ещё и на дорогом коне).

Пожалуй, не менее примечательна, хотя и наивна до крайности, басня «Коршун и воробей» (L'Autour et le Moineau; V; XI), где за неумеренность свою коршун поплатился жизнью.

Также симптоматична басня «Фиги» о человеке, поддавшемся соблазну, но сумевшем справиться с ситуацией и получившем иммунитет и резистентность к авантюрам. Собственно, взрослеют-то как раз те, кто сумели или отказаться от соблазна, или разобраться с последствиями опрометчивого шага.

1.2. Басни, воспевающие христианское смирение и скромность; как пример — басня «Лис и куропатка»: оба героя, обуянны бесами тщеславия и гордыни, повелись на лесть и

оба пострадали: куропатку чуть не съели, лиса же наоборот осталась голодной. Противовесом данной басни служит произведение «Волк и коза», где коза не поверила посулам волка, раскусив его коварный план. Также примечательна басня «Бык и крыс», где бык признал бесполезность борьбы с ветряными мельницами. Ей вторит басня «Голубок и малиновка» (Le Ramier et la Fauvette, V; XVII) о том, что в любви нет места скоропалительным решениям, и зрелые чувства это не про страсть, а про понимание и доверие, хотя нет-нет да и ловишь себя на мысли, что супружество для мужчины — американские горки между Отелло и вечным мужем с неизвестной конечной точкой.

1.3. Басни, порицающие неумеренность: в первую очередь хотелось бы упомянуть басню «Дрозды» (Les Grives; V; V), однако басня не только и не столько о неумеренности в желании, а ещё и о нарождающемся классе нуворишей, авантюристах и дельцах, вынужденных рисковать. С одной стороны, время написания басни очень уж совпадает с появлением набобов в Великобритании (так называли отставных чиновников британской Ост-Индийской компании, сколотивших себе состояние на грабеже и жёсткой эксплуатации коренного населения Индии), своим богатством и покупкой мест в Парламенте сильно раздражавших старую родовую аристократию; с другой стороны, велико искушение провести параллели с бессмертным трудом «Путешествие из Петербурга в Москву» уже упоминавшегося ранее Александра Нико-

лаевича Радищева; в главе «Спасская Полисть» мы видим историю купца, в одночасье потерявшего всё и вынужденного скитаться; а в главе «Новгород» мы видим свадьбу купеческую — эдакий пир, от которого за километр несёт чумой; этакие пассажиры «Титаника», отплясывающие макабрический фокстрот на палубе системы, идущей к чорту. Собственно, тонкая ирония периода первоначального накопления капитала и свободного рынка и состоит в том, что именно человеческая жадность, ломающая жизни миллионам и выносящая наверх единиц, является его (и периода, и капитала, и рынка) двигателем. Однако так рождается новая элита, и Буазар, очень точно подмечавший моменты и тенденции, попридержал морализаторский пыл, не понимая, к добру это или к худу; в XXI же веке, когда капитализм уже давно утратил позитивный импульс, и гигантский потенциал трудового большинства растрачивается на обеспечение роскошной жизни кучки паразитов, подобный риск ничего, кроме недоумения, не вызывает: уж слишком много коучей всех мастей камлают из каждого утюга (пардон, тизера) о «выходе из зоны комфорта», но слишком мала вероятность успеха, а вот потеря всего в погоне за ним почти гарантирована.

Авантюризму купцов противопоставляется здоровый расчёт обжёгшегося сельского буржуа в басне «Фиги», пережившего и выход из зоны комфорта, и фиаско планов, и последовавшую за этим расплату в виде полуголодного года (до следующего созревания инжира), и после смотревшего с хит-

рым прищуром на каждого обещавшего золотые горы.

На бытовом уровне неумеренность красочно описывается в басне «Сорока» (La Pie, V; VIII), где сорока трещит базарной торговкой всяческую околесицу, нанизывая и внезапную ссору, и навет, и инсинуации на тему ласточкиной личной жизни; однако толку от сорокиной трескотни чуть меньше, чем никакого. Потому она и нарывается на флегматичный вопрос (а может и ответ одессита) скворца. В какой-то степени ей комплементарна басня «Пчела и муха» (L'Abeille et la Mouche, V; XV), которую Иван Иванович Дмитриев[20] перевёл как памфлет на назойливых графоманов,

О, эгоисты-рифмачи!

— а, возможно, и как сатиру на Дмитрия Ивановича Хвостова[21], которого, по свидетельствам современников, хлебом не корми, дай только собственные вирши почитать; мне же пчела видится назойливым коммивояжёром или торговым представителем, что даже такую ценную вещь, как мёд, опошлил и опоганил навязчивой рекламой. Как разительно образ пчелы здесь отличается от образа пчелы в первом томе; казалось бы, что может случиться со скромной тружени-

[20] Ива́н Ива́нович Дми́триев (1760–1837) — русский литератор, поэт, баснописец, представитель сентиментализма. Сенатор, член Государственного совета, министр юстиции в 1810–1814 годах, член Российской академии (с 1797 года).

[21] Дми́трий Ива́нович Хвосто́в (1757–1835) — русский поэт, один из поздних представителей поэтического классицизма; военный и государственный деятель.

цей? Ан нет, как видим, смущённая Маммоной душа меняется не в лучшую сторону.

Продолжает тему назойливости басня «Цикада и филин»; кстати, обратите внимание на композицию: если назойливой сороке в начале книги говорят полунамёком о её назойливости, в басне «Пчела и муха» пчелу уже просят открытым текстом, то надоедливую цикаду из басни в конце книги просто убивают. Пожалуй, хоть и не совсем к месту, рекомендую сравнить сухой, почти протокольный язык Федра и галантный — Буазара; великая вещь — дегустация.

Совершенно по-иному неумеренность манифестируется в басне «Львиная ярость» (La colère du Lion, V; XII), эдакая карикатура на Людовика XVI, слабохарактерного, не владеющего собой короля. Известно, что гневливым Людовик не был, но здесь лучше всего раскрывают образ последние строки произведения:

Et quels maux ne fera-t-il pas,
Aujourd'hui qu'on voit trop, hélas!
Qu'il n'est plus maître de lui-même!

Каких только зол не претерпите вы,
Чего только мы не увидим, увы,
Сегодня от тех, кто себе самому не хозяин!

— ибо хозяином, повторюсь, самому себе король не был.

Но одно дело индивидуальная вседозволенность, другое дело — массовое помешательство, эдакий выпуск пара, облачённый в традицию, подобно факельным шествиям нацистов и сжиганию книг, или же убийству Иуды в романе Хименеса «Платеро и я»[22] (в тот весенний день по статуям и изображениям Иуды стреляли из всех стволов все кому не лень); к таким же диким традициям можно причислить и забой чёрных дельфинов на Фарерских островах, и спортивную стрельбу по голубям, и если забой китообразных на Фарерах имеет хоть какое-то подобие ширмы заботы о выживании человеческой популяции в зоне экстремального земледелия, то стрельба по голубям никакой подоплёки, кроме извращённого наслаждения процессом и оттачивания навыков стрельбы по быстродвижущейся мишени, не имеет. Именно этот бесчеловечный азарт и порицается в басне «Голубка» (La Colombe; V; XXI). Самое страшное, что приведи в ум любого из подверженных этому дикому азарту, спроси, зачем он это делал, — не ответит. Это роднит данную басню с произведением «Собаки, осы и ёж[23]» (Les Chiens, les Guêpes et le Hérisson, III; XXIV), где вожак стаи собак на вопрос «За что?» ответил без прикрас:

---

[22] «Платеро и я» — испанская прозаическая поэма 1914 года, написанная Хуаном Рамоном Хименесом (1881–1959), лауреатом Нобелевской премии по литературе. Со временем «Платеро и я» стала не просто детской книгой, а культурным феноменом, повлиявшим на представления о том, как можно говорить с ребёнком через историю о маленьком ослике.

[23] См. Приложение 17.

En effet
Je ne sais pas quel est son crime.

На самом деле,
В чём виноват он, право, я не знаю...

2. Басни, мораль которых содержит манифестацию чувства меры на устройство общества:

2.1. Басни, воспевающие чувство ранга:

2.1.1. Собственно чувство ранга: некоторые параллели с уже упоминавшейся басней «Дрозды» можно провести в басне «Цикада и улитка» (La Cigale et L'Escargot; V; VII), стойко ассоциирующейся с идиомой «влезть в чужую шкуру»: складывается ощущение, что в произведении описывается сравнение дворянского сословия и буржуазии: тяжеловесность гербов и древности рода против напора, энергии и риска; хотя с таким же успехом сия аллегория может касаться голодной молодости и зажиточной старости.

Куда яснее позиция по чувству ранга в басне «Яблоня и левкой» (Le Pommier et la Giroflée, V; XVIII), где слышатся знакомые нам ещё из первого тома[24] сентенции о том, что большая должность и чин предполагают большую ответственность и уровень риска; я думаю, что и в нашей жиз-

[24] В качестве примера могу привести басню «Слон и зайчонок» (L'Éléphant et le Levraut, II; XV), см. Приложение 2.

ни ещё бытует сей пропагандистский посыл, объясняющий социальное неравенство или же прикрывающий его ширмой «социально ответственного бизнеса», который так врос в структуру экономики, что при уничтожении его неминуемы коллапс и катастрофа (а что же ещё говорить представителям спаянного воедино финансового и промышленного капитала?). Только случись очередная мировая война, обусловленная жадностью очень ответственных владельцев газет и пароходов, война, затевающаяся с целью передела мирового рынка, никто из социально ответственных даже не присядет: погибать на войне за чужие финансовые интересы будет одурманенный пропагандой народ. Единственное исключение — поведение и мотивация РККА СССР в Великой Отечественной войне, но это исключение лишь подтверждает правило: Третий-то рейх шёл в СССР за тотальным ограблением и уничтожением под соусом «борьбы с коммунизмом»; жертвы геноцида и жители выжженных деревень на оккупированных территориях не дадут соврать.

Однако вернёмся к чувству ранга. То, что люди неравны, понятно любому: один умнее, другой глупее, один выше, другой ниже, болезненный, у другого богатырское здоровье, кому-то лучше Шнурова музыки нет, а кто-то ничего не признаёт проще Шнитке и Щедрина; об этом писали и Ницше, и Сталин, но каждый делал свои выводы: если Ницше настаивал на идеальности кастовой модели общества [25], то

[25] «Порядок каст, высший господствующий закон, есть только санкция есте-

Иосиф Виссарионович настаивал на ликвидации уравниловки при равных возможностях для каждого человека[26]. Единственная модель, где неравенство в возрасте и опыте обосновано и по праву подразумевает неравные права — это семья: старшие родственники в силу опыта имеют большую власть (опять же, до определённого предела). Именно эту иерархию пестовал Федр (а вслед за ним и Буазар) в басне «Телёнок и бык».

ственного порядка, естественная законность первого ранга, над которой не имеет силы никакой произвол, никакая „современная идея“… Высшая каста — я называю её кастой немногих — имеет, будучи совершенной, также и преимущества немногих: это значит — быть земными представителями счастья, красоты, доброты». Антихристианин. Опыт критики христианства / Фр. Ницше; Пер. В.А. Флеровой. Под ред. А.Я. Ефименко. — СПб.: М.О. Пирожков, 1907. — IV, 94 с.

[26] «Совершенно ясно, что разные люди имеют и будут иметь при социализме разные потребности. Социализм никогда не отрицал разницу во вкусах, в количестве и качестве потребностей. Прочтите, как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравниловке, прочтите марксову критику Готской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина, и Вы увидите, с какой резкостью они нападают на уравниловку. Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, психологию делёжки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского „коммунизма“. Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут представлять себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе дело люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных „коммунистов“ времён Кромвеля и французской революции. Но марксизм и русские большевики не имеют ничего общего с подобными уравниловскими „коммунистами“». Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. 13 декабря 1931 г.

Апогеем межранговой розни является басня «Дрозд и ласточка» (La Grive et l'Hirondelle, V; XXVI). И казалось бы, прав дрозд, и, повторюсь, любовь до гроба — следствие не страсти, а понимания и обоюдных (!) компромиссов, и если в быту вкусы кардинально не совпадают, то такой союз обречён; но что-то гаденькое слышится мне в объяснении дрозда, очень напоминающее нечто среднее между тирадой Синьора Робинзона из одноимённого фильма («Мы слишком разные, я — белый, ты — чёрная».) и отповедью Герберта Биллинга при расставании с Рут в романе Эриха Марии Ремарка «Возлюби ближнего своего»; закономерный финал пестования чувства ранга, не правда ли?

2.1.2. Элитарность искусства: басен на тему в сборнике нет.

2.2. Басни о строгом исполнении долга. Если раньше, как правило, имелся в виду долг государственный, общественный, то теперь мы видим в первую очередь басни о долге семейном: о почитании предков в басне «Старик и идол»; у басни могут быть разные трактовки: кто-то скажет о собирании камней, кто-то о старческом скопидомстве, мне же видится эта басня через призму современных реалий: уж слишком часто из каждого утюга мы слышим о пенсионерах как о нагрузке на бюджет, особенно при оправдании очередной пенсионной реформы; уж слишком цинично в 2002-м, незадолго до монетизации льгот, был введён термин «срок дожития», а ныне некоторые пока ещё маргинальные «мысли-

тели» и вовсе заикаются об отмене пенсий и формировании пенсионных накоплений самостоятельно… И почему же мы охаем, когда видим очередное видео, где молодые щенки (язык не поворачивается назвать их людьми) издеваются над стариками? Что наверху, то и внизу; другой разговор, что когда изрядно постаревшие дети, променявшие свет учения и радость истинных чувств на дурман статусности и сиюминутного удовольствия, столкнутся с проблемами взрослой жизни, то поддержать советом их будет некому… Контрапунктом к басне «Старик и идол» служит басня «Ягнёнок, вскормленный козой», где тоже привечается как исполнение материнского долга, так и обеспечение преемственности поколений. Подобно занавесу, обрамляющему сцену с двух сторон, басня «Сорока и пташки» (La Pie et les petits Oiseaux, V; XXVIII) о слишком ретивом исполнении долга заботы о братьях меньших также служит противоположной кулисой произведению «Ягнёнок, вскормленный козой»; это соотношение в какой-то степени напоминает соотношение в паре стихотворений «Старик и идол» и «Алкиона» (тоже в какой-то степени о поддержании традиционных ценностей за счёт обеспечения преемственности поколений).

2.2.1. Развитием темы семейного долга видится мне тезис «Помни имя своё», манифестацией которого служит басня «Бельчонок и лис» (L'Écureuil et le Renard, V; XIV), перекликающаяся с басней «Кот и крыс» из третьей книги басен (Le Chat et le Rat, III; VIII): уж сколько раз в жизни нам пытают-

ся втереться в доверие! Бьюсь об заклад, что почти каждый читатель получал на электронную почту письмо от принцессы далёкой африканской страны, наследницы богатого рода, ныне пребывающей в затруднительном положении на территории какого-нибудь посольства, и для того чтобы восстановить-де статус-кво или хотя бы добраться до счёта в банке, ей всего-то нужно — полторы тысячи долларов, а уж она-то как встанет у трона, так вернёт от миллиона до половины своего наследства (на таком фоне полторы тысячи долларов, сумма сама по себе немалая, действительно превращается во «всего-то»); а кому-то, может быть, повезло получить письмо от малайского нотариуса о том, что «Вы, дорогой получатель, являетесь наследником недавно почившего миллионера, и дабы исполнить волю покойного без излишних бюрократических проволочек, надо всего-то пятьсот долларов на такой-то счёт». Надо ли говорить, что стать одновременно наследником миллионера и спасителем принцессы не получалось ни у кого, а вот расстаться с нажитым непосильным трудом… Думается мне, в наш век фишинговых сайтов, постоянных звонков службы безопасности банка, липовых полицейских, почтальонов, курьеров и работников пенсионного фонда, звонящих по особо важным вопросам через мессенджер или с незнакомых мобильных номеров, значение басни особо никому и не надо объяснять.

2.2.2. В отдельный вид можно выделить басни с моралью «Где родился, там и пригодился», эдакое продолжение идеи,

заложенной еще в книге IV[27]: в качестве примера преемственности — басня «Жаворонок и жаба» (L'Alouette et la Grenouille, V; XIII), последняя строка которой:

Mais pour moi qui n'y suis point née,
Je ferai mes efforts pour ne pas y mourir.

А я не хочу улетать из сторонки родимой...
Всё сделаю, чтоб на чужбине да не умереть.

недалеко ушла от финала басни книги IV «Перепёлка и куропатка» (La Caille et la Perdrix, IV; I):

Rien ne peut m'arracher du sein de ma patrie.

Нет силы, что сможет меня побудить покинуть отечество!

Если взглянуть на ситуацию шире и поставить выше упоминавшуюся басню «Дрозды» рядом с произведением «Жаворонок и жаба», то закрадывается ощущение, что Буазар пытался примириться с новой капиталистической реальностью (пришедшей ещё до революции) всеми фибрами своей души: с одной стороны, патриотическая тема никуда не делась, и Буазар всё так же повествует о любви к отечеству;

[27] См Приложения 9,10.

с другой же, он не осуждает дроздов, как осуждал мышь-полёвку из одноимённой басни (Le Mulot, IV; VII), то есть тяготы и лишения купеческого сословия ему не чужды (что неудивительно, учитывая, что начальник и покровитель Буазара, глава администрации административного округа Кан Франсуа-Жан Орсо, барон де Фонтетт, хоть и был физиократом, но прекрасно понимал, что без торговли никуда, и усиленно занимался, как мы бы сейчас сказали, созданием зоны максимального благоприятствования малому бизнесу: улучшал улично-дорожную сеть, пытался снизить социальное напряжение, заменял барщину лёгким оброком, стимулировал развитие сельского хозяйства). Таким образом, мы видим, что ироничный француз изначально был сторонником прогрессивных идей, а его уход в античные формы — всего лишь попытка отрефлексировать происходящее в спокойной обстановке.

2.3. Басни, подчёркивающие необходимость учения в сборнике не представлены.

3. Басни, порицающие революционеров и революцию, также отсутствуют в сборнике.

4. Антиклерикальные басни можно не искать.

5. Басни, выхватывающие приметы времени:

5.1. Басни о потерянном поколении:

5.3. Басни, описывающие революционные процессы в обществе: в качестве примера — две басни: «Крестьянин и ястреб» (Le Fermier et l'Autour; V; XXIV) и «Две жабы». Вообб-

ще, композиция сборника подчёркнуто театральна: мы видели некое подобие занавеса в пункте 2.2; теперь же видим ещё одну альфу и омегу: в басне «Крестьянин и ястреб» явлен показывающий нам не смирение, а отупение и пастозность души лейтмотив из первого тома: «А не всё ли равно, кто нас грабит?» появившийся впервые в произведении «Овца и ягнёнок» (La Brebis et l'Agneau, II; XIX), а в стихотворении «Две жабы» видны революционно-романтические настроения, эдакое «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей»[28], когда бездействие страшнее ошибки, потому как однозначно ведёт к гибели.

5.4. Басни о новомодном и наносном и борьбе с ними.

Иную позицию мы видим в басне «Медведь и заяц» (L'Ours et le Lièvre, V; IX), где заяц спасается, прикрываясь высоким рангом льва. Исключение здесь кажущееся: будь у медведя чувство ранга, он бы сожрал зайца и не подавился; но, видимо, так надоели Буазару везде пролезающие плуты и прохиндеи, наглые как обезьяны и ссылающиеся на знакомство с очень важными людьми, что он и сию басню написал, и чувством ранга начал бредить; однако не стоит

[28] «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, 1848).

путать нагороженный одним мракобесом идеалистический конструкт чувства ранга с обыкновенной человеческой порядочностью: даже при фашизме (Уж насколько идеальное с точки зрения чувства ранга общество! Порядочных людей, правда, от него откровенно мутит.) находилась уйма людей, желающих половить рыбку в мутной воде: пока есть классовое общество, мечта о личном успехе любой ценой, даже если придется потерять человеческий облик, неистребима; только на адептах личного успеха и держится эффективная экономическая сверхэксплуатация (даже если декларируется примат общественного, идея беззаветного служения отечеству и сплоченность народа, невзирая на социальные страты), ну а вышеописанные персонажи — лишь побочный эффект порочной системы.

Тему прохиндиады продолжает басня «Орёл, ворон и черепаха». В своё время в романе Виктора Пелевина «Т» буддийский лама Джамбон Тулку сказал по поводу соглядатая, своровавшего у него некоторые ценности, что-де не имеет к тому претензий, как и не может их быть к волку за то, что тот крадёт ягнят. Тут я хотел бы указать на тонкую грань между благородством прощения и низостью это прощение требовать; и несмотря на то, что формально к ворону по пелевинской логике не может быть претензий, ведь ещё у Бенсерада[29] сказано, что ворона обжулила орла, но наглость, с которой пернатый капер требует оправдания и принятия (какое

[29] См. Приложение 16.

там прощение при такой-то наглости?) вызывает оторопь и даже подсказанный лайфхак по растрескиванию панциря не сильно меняет картину.

Но, как известно, всякий любитель половить рыбку в мутной воде, как чёрт ладана, боится ясного рассудка, ибо тогда и доводы становятся несостоятельными, и шарм теряется; примером тому — басня «Зебра» (Le Zèbre, V; XXIII); с одной стороны — страсть к экзотике неистребима в народе, об этом писал и современник Буазара, Томас де Ириарте[30] (да и сам ироничный француз нет-нет да перенесёт место действия своих басен на Ближний Восток[31]), с другой — всё наносное быстротечно: много ли осталось от слэнга 90-х или 00-х? Многие ли певцы и певицы одного хита из той эпохи могут ныне повторить успех? Как правило, финал их горек, и тут уместна только фраза Дениса Ивановича Фонвизина:

Вот злонравия достойные плоды!

Однако третий закон Ньютона никто не отменял: иллюстрацией служит басня «Лис и петух», (Le Renard et le Coq; V; XXVII), этакая вольная интерпретация Федрова сюжета о повесившемся коте и крысах[32], кстати, весьма популярного

---

[30] Басня по теме «Чай и шалфей» (El Té y la Salvia) см. Приложение 19.

[31] В качестве примера — басня «Кадий и араб» (Le Cadi et l'Arabe, II; XXVI), см Приложение 3.

[32] Интерпретации Шарля Перро и Жана де Лафонтена см. Приложения 22 и 23.

и в нашей литературной среде (достаточно вспомнить сказку В.А. Жуковского «Как мыши кота хоронили» или стихотворение «Как мыши с котом воевали» Н.А. Заболоцкого); только опытный петух (как тут не вспомнить Пушкина?[33]) не дал устроить лису бойню.

Продолжить хвалу разуму, опыту и просвещению хотелось бы басней «Два кролика» (Les deux Lapins, V; XXIX), перекликающейся и с Ромулом[34], и с первым томом[35] (хотя и здесь удивляться нечему: максима о том, что страшна не стрела, а руки, что эту стрелу пускают, актуален и поныне: открытие деления атомных ядер, например, у американцев вылилось в Хиросиму, а у СССР — в Обнинск[36]).

Подводя промежуточный итог, я хотел бы заметить, что нет ровным счетом ничего удивительного в том, что, встретившись с принципиально новым (а Первая Мировая война в 1914 году, Просвещение и усугубленное разочарованием в новом монархе нарастание революционной ситуации во Франции второй половины XVIII века — явления принци-

[33] О сколько нам открытий чудных Готовят просвещенья дух И Опыт, [сын] ошибок трудных, И Гений, [парадоксов] друг, [И Случай, бог изобретатель].

[34] Мария Французская «Басня девяносто вторая о косуле и её косулёнке» (Fable XCII de la Biche et sun Foon), см. Приложение 25.

[35] Имеется в виду басня «Олень и стрела» (Le Cerf et la Flèche, II; XXVIII), см. Приложение 24.

[36] Обнинская АЭС — первая в мире атомная электростанция, подключённая к электрической сети. Станция была запущена 27 июня 1954 года в посёлке Обнинское (ныне город Обнинск) Калужской области. Реактор АМ-1 («атом мирный») имел мощность 5 МВт.

пиально новые для своего времени), человек первым делом (отойдя от шока, конечно) вспоминает, а видано ли было такое ранее. По большому счёту, именно этой универсальной реакцией на шок обусловлены отход Стравинского от дягилевской цветастости к неоклассической чистой красоте и дальнейшее вворачивание вглубь веков, именно этой реакцией обусловлено обращение Буазара к античным авторам, дабы причаститься традиционных семейных ценностей, обжигаемых свечами балов и салонов Марии-Антуанетты, ведь сколько басен о семье, терпении и заботе сосредоточено именно в этой книге! Но самое интересное в том, что на обращении к старому создавалось новое: Игорь Фёдорович Стравинский является одним из четырёх композиторов, чьи идеи, поиски, наработки и стиль кардинально изменили музыкальный язык в XX веке; Буазар, придав басне некоторую инаковость, также гремел в своё время (достаточно вспомнить фразу[37] Антуана де Ривароля[38]). Хотя что уж говорить о весьма умеренных новаторах, если даже Владимир Ильич Ленин, которого невозможно упрекнуть в консерватизме и ретроградности, писал и вещал с высокой трибуны, что без всестороннего изучения и критического осмысления всего культурного наследия человечества новую проле-

[37] «Они [басни Буазара] вывели из моды басни Лафонтена, что всегда немного несправедливо».

[38] Антуан Ривароль (1753–1801) — французский журналист, писатель, полемист, критик.

тарскую культуру не построить. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», — так звучали его слова на 3-м Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 года. Стало быть, лишь общество, чтущее свою историю, способно двигаться к новому; обществу же, желающему лишь безоглядно потреблять новое, боюсь, и не дано иных изобретений, кроме граблей, селфи-палки и, периодически, велосипеда.

Пролог

Сладчайшему отдохновению спутница, уединение,
И Вы, что зовётесь владетельницею в лесах
Под сенью кроны зелёной, у волн хрустальных берега,
Я сызмальства вас научился запечатлевать в карандашных штрихах,
О Муза, что прячется меж пасторальных пейзажей,
Улыбкой своей наградите строк новых полотна;
Направьте же кисть мою, пусть на портретах покажутся
Те люди, что в образах этих узнают себя удивлённо.
Чем больше я наблюдаю животных,
Тем больше я вижу, они с нами схожи,
И страсти их на правдивых полотнах
На страсти людские зеркально похожи.
На сцене же мира сего всякий раз
Что вижу я? Ах! Моих лицедеев да в масках разнообразных.
Вот лев, угрюм, одинок,
Чьи очи сверкают огнём, а сам он рычит там, где света не много;
То образ наших тиранов:
Тигр, тем боле жестокий, чем больше злодейств на нём оставят отметины,

Чьи глаза улыбаются жертвам,

Подобных я нахожу вновь и вновь средь придворных и меж вассалов.

Но средь героев злодейской стати

Порой нахожу я и боле приятных.

Непорочны животные, лишённые ревности,

Малых сих, право, можем и среди нас найти.

И в обожаемом принце[39], отце Отечества,

Готовом ради народного благоденствия

В жертву всё самое ценное приносить нощно и денно,

Мне видится пеликан в благороднейшем проявлении:

Когда его щедрый клюв надорван с боков,

Он скармливает птенцам и рыбу, и кровь.

Когда сей отец, одеревеневший под инеем лет

Ждёт пользы напрасно от крыльев своих, которым судьба отмереть;

Если я вижу стайку его птенцов,

Что, требуя, повышают силу своих голосов,

---

[39] Имеется в виду Луи-Станислас-Ксавье (1755–1824) — брат Людовика XVI, носивший во время его царствования титул графа Прованского (фр. comte de Provence) и почётное именование Месье (фр. Monsieur), а потом, во время эмиграции, принявший титул графа де Лилль. Был королём Франции Людовиком XVIII в 1814–1824 годах (де-юре с 1795 года), с перерывом в 1815 году, занял престол в результате Реставрации Бурбонов, последовавшей за свержением Наполеона I. Людовик был последним монархом Франции, который не был свергнут в результате революции (короли Карл X, Луи-Филипп I и император Наполеон III были свергнуты). При дворе Людовика XVI вёл относительно скромную жизнь. С 1778 года секретарём Луи-Станисласа-Ксавье становится Жан-Жак Буазар.

Узревши картину, что явлена лишь на минуту едва ль мне,
Узнаю вновь живой я пример той самой цапли,
Что с течением дней становится вялой, —
То покорность немая законам природы;
Голодая в холодное время года,
Отдаёт она то, что весной задолжала.
Но пошатываясь под тяжестью жизни,
Расплескаю я боль, что во мне накопилась,
В души верных друзей, что даны мне богами,
Коль очищенным буду из глаз их слезами,
Возрождаюся я, отыскав себя вновь,
Счастлив боле всего мукой перенесенной!
Вместе с тем удивлён, как глубок мой покой,
Снова вижу я, сколь одинок во вселенной
Человек, что знаком с обаянием дружбы…
И ему ж одному проливать слёзы нужно,
Окружённому мерзостью злой,
Видимой иль придуманной.
Эй, вокруг! Обитатели приторной тени,
Ах, как много у вас преимуществ пред гением!
Ведь неведомы вам наслажденья напрасные,
Сожаления и покаяния:
Как чиста ваша блажь, как легки ваши кары;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.